

Черт возьми, как такое вообще возможно?

Сердце словно сжала ледяная рука. Ричард задрожал, не в силах совладать с собой, и по спине мгновенно потек холодный пот. Девятичасовое утреннее солнце ласково заливало комнату, но он чувствовал себя так, будто оказался в ледяном склепе, откуда из самых костей просачивался могильный холод.

Он не сводил глаз с поникшей фигуры, что прислонилась к краю кровати. Все его недавние робкие надежды и двусмысленные мысли давно превратились в пыль, уступив место лишь всепоглощающему ужасу и ледяющему душу предчувствию.

Истина, которую он упорно гнал от себя, наконец обрела плоть: тот, кто называет себя А-Хаем, вовсе не человек.

У каждого ветерана, прошедшего через горы трупов и реки крови на границе, в костном мозге выжжена кровь, написанная железным правилом: не своего племени — значит, чужой разум. Исключений не бывает.

Он четыре года провел в этой мясорубке. Четыре года он дробовиком разносил в клочья омерзительные головы демонов, клинком перерезал рычащие глотки орков и даже собственными глазами видел, как святые ангелы сбрасывают лицемерные маски, являя миру тошнотворные комья плоти, усеянные множеством глаз и крыльев.

Реальность преподала ему жесточайший урок: в этом мире нет инородцев, которые не считали бы людей добычей или пищей. Демоны алчны и кровожадны, орки яростны и жестоки, ангелы лицемерны и высокомерны. Даже эльфы, живущие в глубине лесов и кажущиеся отстраненными, смотрят на людей лишь с холодным пренебрежением.

Что такое человечество? Одиноким сироты этой планеты. У них нет союзников, нет путей к отступлению, Земле нет дела до паразитов, населяющих ее.

Но другим расам — есть.

Человеческие чувства и желания для инородцев — изысканный деликатес, а текущие в венах магические гены — первоклассная добавка к рациону. В их глазах человечество — это огромная консервная банка, которую только и ждут, чтобы вскрыть. А такие, как он — воины с магическим даром, способные выстраивать оборонительные рубежи, — лишь тонкая жестяная оболочка, которую необходимо сорвать.

В тот день, когда он осознал эту правду, его мир едва не рухнул. Он предпочел бы оставаться бездумной машиной для убийства, тупо нажимать на спусковой крючок и размахивать мечом, лишь бы выжить, а не нести на себе этот непосильный груз ответственности за выживание человечества.

Каждый выход на поле боя терзал его, словно ядовитая змея: неужели я тот самый слабак, из-за которого падет оборона? Неужели обычный человек вроде меня действительно может нести такую ношу?

День за днем это давление могло сломить его — иначе с чего бы он, словно безумец, бросился под удар, закрывая собой лейтенанта от осколочной гранаты? Это не было героизмом, это было самоубийством. Просто он оказался живучим, и ад не спешил его забирать.

Слабак. Почему другие справляются, а ты нет?

По ночам, просыпаясь в холодном поту, он повторял эти слова, то вытаскивая себя из бездны, то снова толкая в нее. Когда от тревоги начинали дрожать руки, он бил себя по лицу, чтобы болью заглушить страх, а затем, словно живой труп, шел на пост.

Он всегда жил в раздирающем его противоречии.

Как и сейчас.

Как быть с А-Хаем, этим нечеловеческим существом, которое до сих пор проявляло лишь безобидность и даже нежность?

Пузырь самообмана лопнул от громоподобного слова четырнадцать лет, и ледяная реальность приставила нож к горлу.

Напасть?

Мышцы Ричарда напряглись, словно сталь, каждый нерв взвыл от тревоги. Внутри него, под кожей, беззвучно заструилась энергия магии льда. А-Хай сидел к нему спиной, шея была совершенно незащитна. Если сосредоточить магию и нанести удар ледяным шипом в затылок... при его скорости и точности это могло стать смертельным ударом.

Или рискнуть?

Поставить на то, что А-Хай — единственный в своем роде дружелюбный инородец? Что у него нет злых намерений? Но если он проиграет... ценой станет его жизнь, а может, и не только она.

Мучительная, удушающая тревога вновь нахлынула волной. Ричард вздрогнул, насильно охлаждая кипящую ярость и хаос в мыслях.

Нет.

Он мгновенно пришел в себя: А-Хай не знает, что разоблачен. Пока он не выяснит всё до конца и не обретет абсолютную уверенность в успехе, срывать маски — глупейшее решение.

Нужно его успокоить.

Ричард заставил себя сделать глубокий, беззвучный вдох. Когда он снова поднял взгляд, на его лице уже играла привычная, безупречная улыбка радушного горожанина. Голос он сделал мягким, с ноткой уместного сочувствия:

— А-Хай... мне очень жаль слышать такое. — Он подался вперед и, якобы утешая, а на самом деле с предельной осторожностью, легко похлопал того по плечу. — В этой хижине слишком душно, от этого только тоскливее. Пойдем, прогуляемся, подышим свежим воздухом?

А-Хай медленно обернулся. Его глаза слегка покраснели, на густых ресницах, казалось, еще блестела влага. На этом безупречном лице застыло выражение такой хрупкости, что сердце любого ценителя красоты дрогнуло бы.

Жаль только, что Ричарду эти покрасневшие глаза казались лишь ловушкой демона, заманивающего добычу.

А-Хай кивнул, не отказываясь.

Так на улице появилась странная картина: высокий, крепкий Ричард Гудман, словно восторженный экскурсовод, с оживлением рассказывал городские сплетни, пересказывал несмешные шутки и нахваливал последние сериалы, мастерски разыгрывая роль простодушного местного жителя.

А рядом с ним, на полголовы ниже, понуро плелся А-Хай. Он слегка запрокинул голову, и в его взгляде читалась усталость человека, только что перенесшего тяжелую болезнь. Несмотря на это, он внимательно слушал, вставляя тихое м-м в ответ на каждую реплику, послушный и кроткий, словно безвредная фарфоровая кукла.

Однако чем безобиднее выглядел А-Хай, тем сильнее становился холод в груди Ричарда. Инородцы презирают людей, но это не значит, что они не пойдут на всё ради своих целей. Хамелеоны среди орков, способные идеально сливаться с окружением для совершения убийств, были ночным кошмаром фронтовиков. Он год был в отставке, кто знает, какие еще трюки придумал враг? Инородец, способный к идеальному перевоплощению? Его бы это ничуть не удивило.

Ангел? Ричард скользнул взглядом по А-Хаю: безупречная кожа, черные, как шелк, волосы, собранные в низкий хвост, легкий холодный аромат трав и орхидей... это действительно соответствовало маскировке тех пернатых, когда они впервые спустились на землю.

Жаль только, что внутри они — лишь комья плоти, усеянные глазами. Голос А-Хая не очень-то вязался с его чистым, миловидным образом — низкий, хрипловатый, он обладал странным шармом... Пойдите, а не маскировка ли это тоже?

Демон? Самый яростный и хитрый враг человечества. Могут ли они притворяться такими святыми цветочками? Ричард сильно сомневался. Повадки демонов скорее предполагали превращение в соблазнительных красавиц для охмурения политиков, а не кружение вокруг отставного солдата-инвалида.

Эльф? Оставьте. Эти высокомерные деревяшки смотрят на людей как на клопов, они бы скорее сбежали, чем добровольно ступили в этот грязный мир людей.

— Ричард? Ты... ты слушаешь? — осторожный, обеспокоенный голос прервал его размышления.

— А? Да! Конечно слушаю. — Ричард резко пришел в себя, сердце едва не пропустило удар.

А-Хай, сам того не заметив, ухватился за край его рукава и слегка потянул. Его невероятно красивое лицо было совсем близко, брови чуть сдвинуты, а в темных глазах плескалась чистейшая тревога. Они были такими влажными и сияющими в лучах солнца, что в них, казалось, можно было утонуть.

— У тебя такой бледный вид... тебе всё еще нехорошо? Может... найдем место, где можно отдохнуть? — голос А-Хая стал еще тише, с нотками почти гипнотической нежности.

Ричард на мгновение оцепенел, ошеломленный мощным ударом этой красоты в упор.

Нет.

Еще более страшная мысль, словно молния, пронзила его сознание:

Да это же, черт возьми, суккуб!

<http://bllate.org/book/18654/1797915>